

Глава 6. Первая встреча с Сяо Чжюанем

Линь Хай припомнил, что родная сестра его близкого друга когда-то вышла замуж в дом маркиза Тунъаня. Сам маркиз, Сяо Цянь, не любил выставлять себя напоказ и в столице редко бывал на слуху, однако несколько лет назад, во время дальнего похода на южных варваров, он проявил себя как выдающийся полководец и заслужил славу грозного воителя.

— Всё верно, — мягко улыбнулся Гу И, — это старший сын моей сестры.

Линь Хай повернулся к юноше и благожелательно произнёс:

— Слышал я о подвигах вашего достопочтенного родителя, да только судьба так и не свела нас вместе. Надеюсь, он в добром здравии?

Сяо Чжюань почтительно поклонился и ответил:

— Благодарю за заботу, уважаемый дядя. Отец чувствует себя превосходно. Он тоже не раз поминал ваше имя с глубоким почтением, отмечая, что господин Линь, управляя соляным надзором в Цзяннани, трудится не жалея сил на благо Поднебесной.

Юноша происходил из древнего и знатного рода, а потому подобные любезности давались ему без труда. И пусть маркиз Тунъань вряд ли произносил эти слова слово в слово, сам Чжюань думал именно так: за последние несколько дней он успел разузнать о делах семьи Линь и теперь искренне восхищался её главой.

— Полно тебе, Жухай, — со смехом перебил его Гу И. — Не трать время на пустые церемонии с этим парнем. Он у нас сущий старик — вечно серьёзный, тоска смертная!

Сяо Чжюань и ухом не повёл на поддразнивания дяди. Он застыл со скромным и безупречным видом, отчего сам Гу И на его фоне показался взбалмошным смутьяном. Линь Хай, хоть и не виделся с другом много лет, прекрасно помнил его вольный нрав и лишь беззлобно усмехнулся.

Гу И, мысленно пообещав себе позже свести счёты с невозмутимым племянником, вновь посерьёзnel и обратился к хозяину дома:

— Позавчера, едва добравшись до Янчжоу, я узнал о постигшем тебя несчастье... Жухай, прими мои глубочайшие соболезнования. Держись, друг мой.

Линь Хай горько вздохнул:

— Видно, слаба моя связь с близкими, раз судьба забирает их одного за другим. Теперь у меня осталась лишь одна забота — уберечь малютку-дочь. Если она будет здорова и счастлива, мне

больше ничего в этой жизни не нужно.

При упоминании о дочери Линь Хая Гу И незаметно покосился на Чжюаня. Он слишком хорошо помнил хвастливые речи племянника и теперь гадал, хватит ли у того духу повторить их сейчас.

Сяо Чжюань слегка переступил с ноги на ногу. Хотелось верить, что дядя не настолько лишился рассудка, чтобы выдать его недавние полусуточные признания. Если это случится, Линь Хай вышвырнет их из поместья в ту же секунду.

К счастью, при всей своей беспечности Гу И знал меру. Заметив, как племянник внутренне сжался, признавая вину, он решил сжалиться.

— Кстати говоря, я ведь так и не удостоился чести повидать твою дочь, — продолжил Гу И. — Может, позовёшь её к нам, познакомиться?

Хотя правила приличия строго ограничивали общение между мужчинами и женщинами, Дайюй едва исполнилось шесть лет. Близкая дружба её отца с Гу И вполне позволяла пренебречь условностями. Присутствие Сяо Чжюаня тоже не могло повредить репутации девочки: он сам был ещё безусым отроком. Для семей столь близких кругов подобные встречи с юными гостями считались делом вполне обыденным.

Линь Хай распорядился позвать дочь, а затем повернулся к гостю:

— Девочка у меня послушная, умная, да вот только с малых лет здоровьем слаба. Извелся я весь, места себе не нахожу от вечных тревог.

— В наших семьях чада частенько рождаются хрупкими, — успокоил его Гу И. — Главное — окружить её заботой, беречь от сквозняков и давать лучшие снадобья. Подрастёт немного, окрепнет, и все хвори как рукой снимет.

Линь Хай слабо улыбнулся:

— Твои бы слова да небу в уши.

В это время Дайюй сидела в своей комнате за книгой. Отец нанял для неё учителя, но занятия прервались, когда тяжело занемогла матушка Цзя Минь, и с тех пор девочка предавалась чтению лишь в свободные часы. Известие о том, что отец зовёт её в переднюю залу для встречи с гостями, несказанно её удивило. Она поспешила расспросить слуг, в чём дело. Дайюй помнила, что она девица, да ещё и носит глубокий траур. Будь то гостья женского пола — куда ни шло, но в передней обычно принимали мужчин. Зачем же звать её туда?

«Может, приехал кто-то из близкой родни?» — подумала она.

Однако слуга замотал головой и пояснил, что пожаловал давний друг хозяина. Раздумывать было недосуг: Дайюй послушно отдала себя в руки матушки Чжан и матушки Линь, которые принялись хлопотать над её нарядом.

Тем временем в передней велась неторопливая беседа. Из-за присутствия юного Сяо Чжиюаня Линь Хай не стал заводить разговоров о государственных делах или тонкостях придворной политики. Они толковали о житейском, а затем хозяин дома расспросил Чжиюаня об учебе. Узнав, что тот не желает сдавать государственные экзамены ради чиновничьей карьеры, а мечтает пойти по стопам отца и посвятить себя ратному делу, Линь Хай лишь уважительно вздохнул:

— Истинный сын своего отца. У тигра не рождается робкий олень.

Впрочем, отпрыски столь знатных родов, даже избрав военную стезю, обязаны были получить блестящее классическое образование. Из вежливости Линь Хай задал юноше несколько несложных вопросов из древних канонов, однако ответы Чжиюаня поразили его. Тот, возможно, и не блистал поэтическим изяществом, зато рассуждал на редкость зрело и глубоко, обнаруживая ум, совершенно не свойственный его годам. В душе Линь Хая проснулся искренний интерес наставника. С каждым новым вопросом его одобрение росло.

Жалея, что беседа так быстро подошла к концу, Линь Хай с досадой проговорил, обращаясь к другу:

— Полно, Цзыгу! Твоему Чжиюаню на роду написано вершить великие дела. Жаль, что он пренебрегает гражданской службой. Из него вышел бы выдающийся государственный муж.

— Хвалишь ты его без меры, Жухай! — добродушно рассмеялся Гу И. — Языком-то он чесать горазд, а заставь его написать приличное восьмичленное сочинение — опозорится пуще любого сорванца вдвое моложе него!

Сяо Чжиюань встал и смущённо поклонился Линь Хаю, благодаря за лестные слова:

— Премного благодарен вам за похвалу, почтенный дядя. Однако мои таланты к словесности воистину скромны. К тому же защита рубежей нашей империи на поле боя — такой же верный способ послужить престолу, и именно к этому лежит моё сердце.

Линь Хай с довольным видом кивнул:

— Что ж, похвальное стремление. Приложи все усилия, чтобы не посрамить славное имя твоего отца. Видно, это я рассудил слишком узко.

В разгар приятной беседы слуга доложил о прибытии барышни. Линь Хай велел впустить её.

Дайюй вошла в сопровождении двух служанок. Скромно опустив глаза, она всё же успела мимолётно оглядеть сидевших гостей. Один из них, ровесник её отца, отличался благородной осанкой и утончёнными манерами. Второй же гость оказался совсем юным — на вид он был на несколько лет старше неё самой. Его правильные черты лица дышали спокойствием и уверенностью, совсем не свойственными детям его возраста.

Пока Дайюй приглядывалась к гостям, те тоже внимательно её разглядывали. По случаю траура на ней было простое платье бледно-лазурного оттенка, лишённое каких-либо украшений, а тёмные волосы были уложены в два скромных девичьих пучка. Гу И слегка нахмурился: девочка показалась ему слишком хрупкой и болезненной. Сравнивая её со своими столичными племянниками, он невольно признал, что опасения Линь Хая за здоровье дочери были более чем оправданны.

Что же до Сяо Чжиюаня, то он заранее знал о хрупкости сестрицы Линь, а потому ничуть не удивился. Глядя на эту крошечную девочку, чьи движения отличались врождённой грацией и благородством без тени провинциальной скованности, он мог лишь молча восхищаться.

«Она и впрямь необыкновенна... — подумал он. — Впрочем, как и я сам. Ведь моё появление здесь тоже вряд ли назовёшь обычным»

Дайюй приблизилась и прежде всего поклонилась отцу.

Линь Хай с улыбкой кивнул:

— Поприветствуй твоего дядю Гу и Старшего брата Сяо.

Дайюй тотчас обратилась к старшему гостю с изящным реверансом:

— Племянница приветствует дядю Гу.

Гу И поспешил тепло отозваться, прося её подняться.

Затем девочка повернулась к Чжиюаню:

— Приветствую вас, старший брат Сяо.

Чжиюань порывисто поднялся и чинно поклонился в ответ:

— Моё почтение, сестрица Линь.

Внешне он держался строго и чинно, однако про себя сокрушался:

«Какая же она крошечная и худенькая! Ей непременно нужно лучше питаться. Но как же она прекрасна...»

Закончив с приветствиями, Дайюй скромно примостилась подле отца.

Гу И, любуясь её кротким нравом, мягко заговорил:

— Милая племянница, не обессудь. Твой дядя приехал без предупреждения и не успел выбрать для тебя достойного подарка. Но у меня есть при себе вот эта нефритовая подвеска. Она тонкой работы, надеюсь, тебе понравится. Возьми её на память и не поминай лихом.

Подарки старших не принято отвергать, а потому Дайюй вновь поднялась со своего места и с тихой благодарной улыбкой ответила:

— Племянница от всего сердца благодарит дядю Гу.

Сяо Чжюань, глядя, как дядя снимает с пояса роскошный нефрит и вручает его Дайюй, горько пожалел о собственной оплошности. Как он мог явиться в дом Линей без единого подношения? Дядя легко мог расстаться с личной безделушкой, но если бы сам Чжюань попытался сотворить нечто подобное, господин Линь счёл бы это дерзостью и выставил его вон.

Сама Дайюй, разумеется, и не думала выказывать нетерпения или ждать даров от юноши, но Гу И со значением покосился на племянника. Его взгляд так и говорил: «Ну что, искатель встреч? Столько твердил об этой девочке, а теперь стоишь с пустыми руками?»

Сяо Чжюань оставил без внимания насмешку дяди. Он поднялся и с самым серьёзным выражением лица произнёс:

— Прошу простить меня, сестрица Линь. Я пустился в путь столь поспешно, что не успел приготовить для тебя ничего стоящего. В следующий раз я непременно заглажу вину и преподнесу тебе настоящий дар.

Говорил он твёрдо, но кончики его ушей предательски порозовели. Дайюй уловила эту забавную подробность и весело сощурила глаза.

Глядя на смутившегося юношу, она не удержалась и задорно улыбнулась:

— Брату Сяо не стоит извиняться. Твоё доброе намерение для меня ценнее любых сокровищ.

Сказав это, она едва заметно подмигнула ему.

У Чжюаня от этой детской непосредственности так и чесались руки ущипнуть её за пухлую щёчку, но он вовремя одёрнул себя. Отец девочки сидел рядом, и малейшая вольность грозила обернуться бедой. С трудом поборов искушение, он с самым невозмутимым видом опустил обратно в кресло. Дайюй же нашла его суровый вид чрезвычайно забавным.

Линь Хай, заметив, как просветлело лицо дочери, облегчённо вздохнул. Со дня кончины Цзя Минь малютка Дайюй почти разучилась улыбаться, и теперь её тихая радость согрела ему душу.

«Детям всё же надобно общество сверстников», — подумал он.

В голову ему пришла удачная мысль: у них с Гу И оставались дела, которые не предназначались для чужих ушей, и под этим предлогом можно было занять ребят прогулкой.

— Юй-эр, — ласково обратился он к дочери. — Твой брат Сяо приехал издалека. Проводи-ка его в наш сад, покажи цветы. А нам с твоим дядей Гу нужно побеседовать о делах взрослых.

Ребята дружно поднялись. Чжюань прекрасно понимал, что Линь Хай, несмотря на всё своё расположение, видел в нём лишь неразумного отрока и не желал обсуждать при нём важные вопросы соляного ведомства. Юноша не обиделся — дядя Гу в любом случае потом обо всём ему расскажет.

— С удовольствием осмотрю здешние тенистые аллеи, — учтиво отозвался Чжюань. — Надеюсь на твою благосклонность, сестрица Линь.

Дайюй с готовностью кивнула, и оба ребёнка, поклонившись старшим, вышли из залы.

Едва шаги детей затихли в отдалении, Гу И не спеша отхлебнул из пиалы и прищурился:

— Ну что, Жухай? Скрылся детский взор — выкладывай, о чём хотел потолковать с глазу на глаз?

Линь Хай горько усмехнулся:

— Хочу просить тебя об одной важной услуге.

— К чему эти церемонии между нами? — отмахнулся Гу И. — Говори прямо. Впрочем, я давно живу вольной птицей и от двора далёк, так что дела государственные тебя ко мне не приведут. Стало быть, речь о делах семейных? О малютке Дайюй?

Он обладал живым и проницательным умом, мгновенно угадав причину тревоги друга.

— Всё-то ты видишь насквозь, Цзыгу, — покачал головой Линь Хай. — Да, дело в моей Юй-эр. Жена покинула этот мир, а я с головой ушёл в заботы соляного ведомства. Да и не под силу мужчине обучить девицу тонкостям внутренних покоев и светским манерам. Ей необходима твёрдая женская рука. Я хочу найти для неё двух почтенных наставниц по этикету.

Гу И задумчиво провёл крышечкой по краю пиалы. Смысл просьбы друга был ясен без лишних слов. По нынешним суровым нравам, девица, выросшая без должного надзора наставниц, рисковала прослыть невоспитанной дикаркой, что могло навек погубить её девичью честь. Нанять простых служанок из богатых домов — толку мало. Линь Хаю требовались женщины с безупречной славой, чей авторитет заставил бы умолкнуть любых столичных сплетников. Полноценными защитницами её репутации могли стать лишь те наставницы, что в своё время служили во дворце и имели придворные ранги. Задача виделась непростой, но для человека со связями вполне разрешимой.

— Наставницы — это прекрасно, — возразил Гу И. — Но какими бы почтенными они ни были, заменить мать они не смогут. Ты ведь ещё в полном расцвете сил. Почему бы тебе через год-другой не взять в дом новую хозяйку? Это разом решило бы все заботы о воспитании Дайюй.

— Скажу тебе как на духу: у меня нет намерения связывать себя новыми узами брака, — глухо отозвался Линь Хай. — Изначально я не спешил с поиском наставниц. Однако недавно из Поместья Жунго — семьи покойной супруги — пожаловали гонцы. Тёща желает забрать Дайюй в столицу на воспитание. Мне эта затея не по душе, но столичная родня просто так от своего не отступится. Если я найду для дочери достойных наставниц по этикету здесь, в Янчжоу, у меня появится твёрдая почва под ногами, да и на душу станет спокойнее.

Гу И помрачнел:

— Семья Цзя когда-то гремела на всю Поднебесную, да только со смертью старого герцога Жунго их величие покатилося под откос. Ты ведь не знаешь всех столичных слухов... С одной стороны, они изо всех сил пихают своих девиц в императорский гарем, надеясь на милость государя, а с другой — плетут тайные интриги с домом Чжэнь и приспешниками Великого князя Чжуньи. Хотят усидеть на двух стульях, глупцы, и не понимают, что играют со смертью. Держись от них подальше, Жухай. Целее будете.